

Из истории древнерусской истории, культуры и мысли

DOI: 10.24411/ 2618-9674-2018-10013

Гайденко П. И.

Место мирского духовенства в числе церковных людей Древней Руси

Важнейший и интереснейший из источников по истории древнерусского духовенства — княжеские уставы церкви. Их ценность заключается не только в том, что они остаются одним из наиболее ярких свидетельств канонического-правовой ситуации в Древней Руси и каноническо-правового сознания у восточных славян, но и сохранили память о некоторых структурных особенностях древнерусской церковной организации, а именно об институте «церковных людей». При том, что корпус списков этих Уставов значителен, а историография в этой области исследований настолько огромна¹, что уже сама по себе заслуживает специального исследования, проблема статуса, помещенных в упомянутые источники списков (перечней) церковных людей, подпадавших под исключительное право святительского суда, едва ли может быть признана разрешённой. По сей день единственным трудом, предложившим комплексный взгляд на институт церковных людей, остаётся сочинение Е. Е. Голубинского². В основе его выводов лежат результаты работы, основанной на методах господствовавшего тогда позитивизма³. Заключение выдающегося историка изрядно напугали его коллег по духовной академической корпорации. Тем не менее, при всем старании церковного исследователя, ответить на значительную часть вопросов ему так и не удалось. Разрешение данного затруднения могло быть достигнуто только при условии, если бы к работе присоединились иные историки. Однако последнего не произошло. Правда, необходимо признать, что предшественники выдающегося церковного учёного, его современники и представители последующих научных поколений обращались к упомянутым перечням «церковных людей». Тем не менее, высказывавшиеся в подобных случаях замечания по большей части ограничивались отдельными историческими сюжетами и носили отрывочный, фрагментарный характер. Данное обстоятельство извиняется тем, что отражённые в таких публикациях проблемы освещены лишь на столько, насколько это оказывалось значимо

¹ Представление о степени изученности этих уставов можно составить на примере по меньшей мере трёх наиболее значимых работ: *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972; Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги). СПб., 2014. С. 407–410. *Дорская А. А.* Общая характеристика памятника церковного права Древней Руси и источники их формирования // Памятники российского права. В 35 т.: Т. 1: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М., 2013. С. 422–452; *Оспенников Ю. В.* Княжеские церковные уставы // Там же. С. 453–488.

² *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901. С. 444–588.

³ *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884–1914 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 209–211; *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 80–88; *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 371–373; *Солнцева Н. И.* «История русской церкви» Е. Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Нижний Новгород, 2010.

для конкретного исследования. В какой-то мере вопросы канонической ответственности церковных людей рассматривались в комплексе трудов историков гражданской истории и канонического права⁴. В изданиях последних лет в значительной мере подверглись детальному изучению разнообразные стороны жизни и функционирования древнерусского монашества⁵. Когда же дело касается мирского духовенства и членов их семей, ситуация оказывается не так проста.

Главным образом, представляются изученными лишь поздние этапы истории мирского духовенства — XV–XVII вв. и состояние приходского священства в России после реформ Петра I. При обращении к историографии раннего периода функционирования древнерусской церковной организации, то, помимо уже упоминавшейся работы Е. Е. Голубинского, а также начальных глав специальных работ П. В. Знаменского, П. С. Стефановича и А. Е. Мусина⁶, монографических исследований в отмеченной области на сегодня обнаружить не удастся. Правда, некоторые стороны жизни пастырей нашли отражение в ряде исследований, в которых затронуты вопросы церковной самоорганизации, нравов духовенства и неоднозначные аспекты присутствовавших на Руси двоеверных практик, тесно связанных с деятельностью сельских пастырей⁷. В этом ряду публикаций особого внимания заслуживает диссертация

⁴ Примером этого могут служить исследования В. О. Ключевского, С. В. Юшкова, а также исследования современных историков права, Ю. В. Оспенникова, Э. В. Георгиевского и В. Е. Рубаника, рассмотревших некоторые аспекты правового положения церковных людей и лиц, подпадавших под власть епископата, в контексте церковного суда и древнерусского права в целом (*Ключевский В. О.* Русская история. В 5 т. / сост., А. М. Кузнецова. М., 2001. Т. 1. С. 261–280; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 57–60; *Оспенников Ю. В.* Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2011; *Рубаник В. Е.* Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М., 2013. С. 282–298, 317–323; *Георгиевский Э. В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014. С. 126–156). Несомненно, приведённый список работ нельзя рассматривать как окончательный и исчерпывающий, поскольку вопросы правового положения церковных людей рассматривались и в иных исследованиях.

⁵ *Синицына Н. В.* Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // *Православная энциклопедия*. Т. РПЦ, М., 2000; *Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки* / отв. ред. Н. В. Синицына. М., 2002; *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начала XX в.). Тула, 2009; *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017; *Гайденок П. И.* К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (начало) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Вып. 5. СПб., 2016. С. 158–176 и др.

⁶ *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 444–502, 560–571; *Знаменский П. В.* Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873; *Баловнев Д. А.* Приходское духовенство в Древней Руси. X–XV вв. // *Православная энциклопедия*. Т. РПЦ, М., 2000. С. 252–258; *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в Русской Церкви. XVI–XVII вв. // Там же. С. 259–266; *Стефанович П. С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002; *Мусин А. Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 74–203.

⁷ *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913. С. 116–132; *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. М., 2009. С. 360–383; *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 2013. С. 66–247; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 2002. С. 25–30; *Карпов А. В.* Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008. С. 57–93, 146–176; *Мильков В. В., Симонов Р. А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М., 2011. С. 184–259; *Лушиников А. А.* «Попове и книжници». Образ священника в антиязыческой литературе Древней Руси XI–XIII вв. // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Вып. 8. СПб., 2017. С. 18–28.

В. И. Пановой. Значительная часть этого замечательного труда посвящена мирскому духовенству⁸.

В результате, существующие на сегодня результаты научной работы нескольких поколений историков необходимо рассматривать лишь в качестве надёжного фундамента будущих исследований. Что же касается представленного очерка, то, не претендуя на исчерпывающую информативность, он лишь призван обозначить некоторые проблемные аспекты деятельности мирского духовенства в условиях древнерусской церковной действительности X–XIII вв.

Первые упоминания о священниках, живших в миру, встречаются в ряде нарративных и канонических текстов, связанных с деятельностью княгини Ольги, Владимира Святославича и его сына Ярослава Владимировича. Во-первых, это отрывочные летописные известия о некоем священнике, который сопровождал княгиню Ольгу во время её посещения Константинополя и, вероятно, входил в её близкий круг. В пользу этого указывает сообщение Константина Багрянородного, описавшего приём русской правительницы в императорском дворце. Здесь среди участников торжественной церемонии в свите княгини Ольги отмечено присутствие некоего священника Григория⁹. Его каноническая юрисдикция неизвестна. Однако принимая во внимание размер врученных пресвитеру императорских подарков, 8 милларисиев¹⁰, можно заключить, что этот пастырь рассматривался имперскими чиновниками в качестве далеко не самого важного члена русской делегации¹¹. Не менее показательным является летописное сообщение о смерти княгини Ольги. Под 969 г., в записи о предсмертном завещании княгини, древнерусский летописец не преминул донести, что, отказываясь от тризны, Ольга желала христианского погребения, «бе бо имущи прозвутера»¹².

Вторая группа известий о мирских священниках связана с деятельностью князя Владимира Святославича. Если верить легендарным известиям об обстоятельствах крещения Владимира в Корсуни, то первым, кто оказал поддержку киевскому князю во взятии города, был корсунский священник Анастас¹³. Пытаясь найти объяснение мотивам Анастаса, по сути совершившего предательство по отношению к городу и к империи, В. В. Мавродин допустил, что этот пресвитер, скорее всего, либо принадлежал «русской партии» Херсонеса, т. е. либо был славянином, либо тесно связан с местным, южным славянским населением¹⁴. Не меньшего внимания заслуживает мнение М. Д. Присёлкова. Выдающийся историк высказал оригинальное и не лишённое разумной логичности предположение: Анастас мог быть епископом, чей высокий сан в дальнейшем отвергли византийцы¹⁵.

Источники связывают со временем правления Владимира еще несколько сюжетов, героями которых оказывалось духовенство. Священники, «прозвутеры»,

⁸ *Панова В. И.* Ипатьевская летопись как источник для изучения православного духовенства Руси в XII веке: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2016. С. 368-409.

⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников / М. В. Бибиков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2003. С. 118-121.

¹⁰ Там же: С. 120.

¹¹ 8 милларисиев составляли примерно 36 гр. серебра. Однако это было меньше 1 золотой номисмы (4,45 гр. золота), которая равнялась 12 милларисиям (Византийский словарь. В 2 т.: Т. 2: М-Я. СПб., 2011. С. 53, 132).

¹² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2001. Стб. 55-56.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 95.

¹⁴ *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 239.

¹⁵ *Присёлков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 35-37.

сопровождали прибытие в Херсонес царицы Анны¹⁶, а «попы Корсунские» наравне с иными трофеями и реликвиями были вывезены Владимиром в Киев и в дальнейшем с «попы царицыны» совершили крещение киевлян, составив основу клира Десятинного храма¹⁷. При том, что все перечисленные сообщения не позволяют сформировать окончательного представления о личностях пастырей, их происхождении, месте в канонической иерархии древнерусского государства, а также в его политических, общественных и профессиональных структурах, они всё же позволяют получить некоторое представление о той роли, которая отводилась мирскому духовенству на Руси. Наконец, со временем Владимира связывается Устав его имени, определивший круг церковных людей, среди которых также названо духовенство, а также члены их семей¹⁸. Однако вопрос о достоверности сведений данного каноническо-правового памятника — предмет научной дискуссии¹⁹. Не менее примечательно сообщение ПВЛ о заботах Ярослава Владимировича об обустройстве церковной жизни²⁰. Скорее всего, именно в это время появление духовенства в окружении князя стало своего рода нормой. Автор летописной записи 1037 г. донёс крайне интересную характеристику Ярославу Мудрому: «и бе Ярославъ любя ц(е)рковныя оуставы. и попы любящие по велику излиха же бе любя черноризьци»²¹. Возможно, по крайней мере, в Киеве присутствовало большее число священников, проживавших в миру. В пользу данного предположения служат сообщения Титмара Мерзебургского²² и похвальные слова митрополита Илариона²³, «свидетельствующих»

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 96.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 101-104, 106, 109.

¹⁸ Поп, попадьа, поповичеве, дьякон, дьяконовая (см. различные списки и изводы Устава: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 13-84).

¹⁹ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 617-627; Суворов Н. С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 159; Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. С. 12-135; Милов Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права: Сб. ст. М., 2009. С. 187-189; Гайденок П. И. О практической значимости Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Гайденок П. И., Фомина Т. Ю. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1: Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. Казань; Набережные Челны, 2008. С. 112-119.

²⁰ «и ины ц(е)ркви ставяше по градомъ. и по местомъ . поставляя попы . и дая имения своего оурукъ. и веля имъ оучити люди понеже тому есть поручено Б(о)гомъ. и оумножишася прозвутери. и людье хр(и)стьянстей и радовашеся Ярославъ. видя многи церкви и люди кр(е)стныи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 141).

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139.

²² «В этом большом городе [Киеве — П. Г.], являющемся столицей того королевства, имеется более четырёхсот церквей» (Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники. М., 2010. С. 11).

²³ «И в единовремение вся наша земля наша восславил Христа со Отцом и со Святым Духом. Тогда идольский мрак стал удаляться от нас — и явилась заря правоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла — и слово евангельское осияло нашу землю. <Тогда> капища разрушилась и поставлялись церкви, идола сокрушались и являлись иконы святых, бесы убежали, крест же освящал грады.

Пастыри словесных овец Христовых — епископы — предстали святому алтарю, принося бескровную жертву; пресвитеры и диаконы и весь клир благоукрашили и в благолепие облекли святые церкви. Труба апостольская и гром евангельский огласили все грады; фимиам, возносимый Богу, освятил воздуха. Встали на горах монастыри, явились черноризцы. Муж и жены, малые и великие, люди все, наполнившие святые церкви, восславил <Господа>, взывая: «Един свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь! Христос победил! Христос

о широком храмовом строительстве в столице Руси. Однако известия Илариона и Титмара необходимо принимать с осторожностью. Первый из них, русский перво-святитель-русин, увидевший в Киеве образ горнего Иерусалима²⁴, создавал не историческое, а гомилетическое произведение²⁵. Второй же не был в Киеве и лишь пересказывал со слов других достопримечательности стольного города Руси. Однако, если допустить, что такое огромное число храмов всё же не было преувеличением, то это вовсе не означает, что при всех этих храмах, большинство из которых организовывалось в боярских домах из личного благочестия их устроителей, проживали и служили пастыри. Так, например, история Алимпия Печерского, выполнявшего заказы по написанию икон для знатных горожан и их церквей²⁶, ничего не знает о пресвитерах и диаконах при таких церквях.

Что касается более позднего времени, то при всём пристальном внимании древнерусских книжников к образам чернецов и епископов, древнерусские источники доносят немало сведений о мирских священниках. Правда, в большинстве летописных, каноническо-правовых и агиографических сообщений об этом слое древнерусского духовенства говорится предельно кратко. Большинство этих сообщений спорадичны и рассеяны во времени и пространстве Руси. Однако их вполне достаточно для того, чтобы сформировать предварительные представления о жизни духовенства, совершавшего своё служение в городских и сельских храмах XI–XIII вв. Мирские священники отмечены среди лиц киевского «магистрата»²⁷, они обедают с князьями²⁸, участвуют в пирах²⁹, организуют по воле князя Мстислава Владимировича

одоле! Христос воцарился! Христос прославился! Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои! Боже наш, слава Тебе!» (Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / сост. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 185-186).

²⁴ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.): М., 2001. С. 355-368; Солнцев Н. И. Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 275-281.

²⁵ Ужанков А. Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М., 2014. С. 39-48.

²⁶ Киево-Печерский Патерик // БЛДР: Т. 4.: XII век. СПб., 2004. С. 456-467.

²⁷ 25 граффити Киевского Софийского собора, представляющее собой договор о покупке вдовой князя Всеволода земли для Кириллова монастыря, фиксирует множество имён свидетелей, удостоверяющих правильность совершённой сделки в формуле «перед с(вя)тою Софиею перед попы». По мнению С. А. Высоцкого, это имена киевского духовенства, выполнявшего функции своего рода городского «магистрата». Правда, часть из них — принадлежат настоятелям крупнейших монастырей Киева (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966. С. 64-65).

²⁸ В данном отношении примечательна едва ли не анекдотичная история падения Белгорода (1150). Город был взят князем Владимиром без боя, поскольку ворота города не охранялись, а соперник Владимира, князь Борис, в это время обедал со своей дружиной и белгородские попами на сених своего терема: «В то же время Борисъ пьешеть в Белгороде. на сеньници. съ дружиною своею и с попы Белгородьскими» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 415). Впрочем, о присутствии священников на пирах сообщает ещё один не менее интересный источник — «Похвала князю Владимиру» (Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1. С. 285).

²⁹ Наиболее наглядные свидетельства такой практики — канонические требования митрополита Иоанна и возмущения Авраамия Смоленского (Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 13-14 [Иоанн. 24]; Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. В 20 т.: Т. 5: XIII век. СПб., 2005. С. 40-41).

собственный собор³⁰, выступают защитниками на суде³¹, участвуют в торжественных процессиях встреч князей и в княжеских погребениях³², оказываются замеченными в нерадении, а их жизнь и жизнь их близких³³, как, впрочем, и смерть, могли стать достопамятными событиями в жизни города³⁴.

Происхождение духовенства

Вопрос о том, откуда рекрутировалось древнерусское мирское духовенство, должен быть отнесён к числу проблем, окончательное разрешение которых примечательно к XI–XIII вв. едва ли возможно. Причины этого кроются в особенностях содержания самих источников. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что первые русские священнослужители были представлены греческим духовенством (*царицыными* и *корсунскими попами*). Нельзя исключать и того, что часть духовенства Десятинного храма могла быть представлена выходцами из Болгарии. Основаниями для высказанной догадки может служить летописное сообщение о переводческой деятельности Ярослава Мудрого³⁵. Принимая во внимание присутствие в древнерусской литературе многочисленных следов болгарского влияния³⁶, предположение о служении на Руси или, по меньшей мере, в Киеве священников из числа болгар не видится преувеличением. Однако сложнее всего определить ту местную социальную среду, из которой происходило рекрутирование древнерусского священства. Пробуя найти ответ на данный вопрос, Е. Е. Голубинский высказывался за то, что первоначально основу мирского духовенства составили выходцы из зависимых и несостоятельных слоёв древнерусского населения³⁷. Действительно, значительная часть свидетельств, доносимых древнерусскими источниками о мирском духовенстве, указывает на крайнюю скудость быта первых поколений русских священников. Об этом сообщает древнерусское летописание³⁸, многочисленные статьи вопрошания Кирика³⁹, житие

³⁰ «и съвъкупивъше сборъ иереискыи . митрополита же . в то время не баше» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291).

³¹ Именно так произошло в истории Авраамия Смоленского, когда за него на суде вступились два городских священника Лука Прусин и Лазарь (Житие Авраамия Смоленского. С. 44-47).

³² Впервые священники упоминаются среди участников княжеских похорон под 1053/54 гг. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 150). В дальнейшем такие известия становятся своего рода нормой (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 193, 198, 208 и др.). Это совсем не исключает того, что священники не принимали участия в иных погребениях, однако акцентирование внимания летописцев на присутствии «попов», примечательно.

³³ В данном отношении крайне примечательно участие семьи священника Василия в судьбе многострадального князя Василька Тербовольского (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 235-236).

³⁴ Примером этого может служить известие о двух утонувших священниках, смерть которых стала своего рода примечательным событием в жизни Новгорода (ПСРЛ. Т. 3. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 213).

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139-140.

³⁶ О болгарском влиянии на церковную жизнь, язык и культуру Древней Руси см.: *Калайдович К. Ф. Иоанн, экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и XI столетий.* М., 1824. С. 8; *Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.).* М., 2002. С. 79-81; *Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.* С. 26-42; *Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.).* СПб., 2017. С. 8-11.

³⁷ *Голубинский Е. Е. История Русской Церкви.* Т. 1. Ч. 1. С. 444-449, 472-481.

³⁸ Весьма наглядно известие ПВЛ об усилиях Ярослава Мудрого по обеспечению духовенства: «И ины ц(е)ркви ставяше по градомъ. и по местомъ. поставляя попы. и дая имения своего оуроукъ. и веля имъ оучити люди и приходити часто къ ц(е)рквамъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 141).

³⁹ *Гайденок П. И. Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности.* М., 2014. С. 157-193.

Феодосия⁴⁰, полемическая литература, упрекающая «попов работных», пастырей готовых совершать требные службы на праздники, имевшие явные языческие корни⁴¹. Наконец, крайне убедительно в пользу мнения выдающегося церковного историка звучит рекомендация-требование патриарха Германа II не ставить в священники рабов: «Приспев ъ слухы нашему смиренію, яко неции въ русьстей стране преже смеюшимъ мужи некая купяще, къ рабскому игу влекуще, аще и пленники некая, и потомъ и учителемъ ихъ предающе учти священныя грамоты и учения священный възрасть, възводить по чину ихъ къ священному достоянью, и къ епископомъ сихъ отпустивъше работнаго ига, якоже и по поставленью священія съвершения работномъ быти, и опять иереомъ рабскому имени бещестномъ быти, иже усыниение дарующимъ крещениемъ верующимъ»⁴². Однако, несмотря на всю авторитетность мнения Е. Е. Голубинского, высказанное им суждение видится излишне категоричным, а ситуация относительно священства — не такой однозначной. Это объясняется тем, что учёным не были приняты во внимание иные сведения.

Действительно, не в пользу мнения Е. Е. Голубинского свидетельствуют некоторые обстоятельства. Так, например, не вызывает сомнения то, что духовенство было вполне образовано или, по меньшей мере, грамотно. К этому обязывал крайне сложный строй богослужения, опиравшийся на обширный корпус богослужебных текстов⁴³. Грамотность, по мнению митрополита Георгия, являлась одним из важнейших условий для рукоположения в пресвитеры⁴⁴. А это означает одно — для овладения грамотностью, как и для знакомства с христианским вероучением будущий священник должен был либо происходить из числа древнерусской знати и местного свободного городского населения, либо был тесно связан с этими стратами, что тоже могло случиться лишь при условии, что будущий пастырь обладал широкими для своего времени свободами или более выгодным положением. Очевидно и то, что часть священников имела в своём распоряжении какие-то домашние библиотеки или обладала доступом к литературе, корпус которой, между тем, едва ли возможно восстановить в полном объёме. На эту возможность указывает знание священнослужителями и использование ими в практике «худых номоканонцев», а также иных богословских и агиографических текстов в том числе сомнительного с точки зрения православной догматики свойства⁴⁵. Правда, отмеченное

⁴⁰ Наиболее показательный пример: приход в обитель бедного священника, которому не хватило вина для совершения литургии (Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. М., 1978. С. 362-365).

⁴¹ Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1. С. 238-242; «Слово святого Григория» об идолах // Там же. С. 242-244.

⁴² Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I о непоставлении рабовъ в священныи сан и неприкосновенности имущества и судов церковных // РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 79-80.

⁴³ Сохранившийся объём богослужебных текстов составляет существенную часть всего древнерусского книжного наследия. См. подробнее: *Левшун Л. В.* История восточнославянского слова XI—XVII вв. Минск, 2011. С. 81-89.

⁴⁴ «Аще наоучитя грамоте и буде(т) д(у)ши не гоуби(л). а жену пояль д(е)вою. но буде(т) и съгрешения твори(л) да исповестъ я о(т)цю о ни(х). схранити епитимию и станеть попо(м)» (Неведомы(х) словесъ изложено Георгиемъ митрополито(м) Киевскимъ Герману игомену въпрашающу оному поведаящю // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. С. 233-255).

⁴⁵ Примером этого могут служить упреки в адрес Авраамия Смоленского, подозревавшегося в ереси (чтение «глубинных книг»): *Назаренко А. В.* Авраамий Смоленский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 178-179; *Печников М. В.* Дело Авраамия Смоленского: за что был

не исключало того, что некоторые дети священника оставались безграмотными. Устав новгородского князя Всеволода особо оговаривает: «А се ц(е)рк(о)вныи люди: <...> изгойи трои: поповъ с(ы)нъ грамоты не оумееть, холопъ из холопства выкупит-ся, коупецъ одолжаетъ»⁴⁶. Вводившаяся новгородским князем норма примечательна. Она заслуживает внимания не только санкцией против нерадивых попов и их детей⁴⁷, но и тем, что открывает неоднозначность положения священника в социальной иерархии восточнославянского населения и круга церковных людей. Круг священнослужителей и членов их семей воспринимался князем и его современниками в качестве отдельной самостоятельной социальной группы, жившей по отдельному церковному «белечскому уставу»⁴⁸. Положение поповичей определялось не только рождением, но и обладанием определённых качеств, утрата которых, приводила к «изгойству», заключающемуся в потере своего прежнего социального статуса и в неспособности присоединиться к какой-либо иной социальной страте⁴⁹. Обнаружив свою безграмотность, попович утрачивал своё положение, которым он обладал по рождению. Однако видеть в таком «исключении» и его обстоятельствах «образовательный ценз» и социальный остракизм опрометчиво.

Действительно, т. н. «изгойство» безграмотного поповича обладало странной спецификой. Дело заключается в том, что попович не был священнослужителем. Его невозможно было лишиться сана или наложить на него запрет служения уже хотя бы потому, что он не совершал литургию. Тем не менее, не обладая харизматическим даром пресвитерского служения, он считался членом поповской среды или среды духовенства, клира, если принять во внимание, что под поповичами могли пониматься и дети диаконов. Судя по всему, статус поповича в чем то напоминал то положение, в котором оказывался человек, на которого возлагались иноческие одежды

гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 346-359.

⁴⁶ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 157.

⁴⁷ Вводившееся наказание, вероятно, отражало реалии времени: в условиях отсутствия каких-либо школ, священник, скорее всего, был обязан сам обучать своих детей. В целом такая практика соответствовала реалиям времени. При этом нельзя исключать, что домашнее обучение осуществлялось с перспективой возможности рукоположения поповича.

⁴⁸ Об этом уставе упоминает и ссылается на его авторитет Кирик Новгородец. Однако исторической науке неизвестно ни одного полного или самостоятельного списка этого канонического памятника. Н. М. Гальковский допустил, что под «белечским уставом» следует понимать приписываемую митрополиту Георгию «Заповедь св. отец». Между тем, выдающийся историк признавал, что в отношении этого памятника и его отождествления с сочинением митрополита Георгия в исторической науке существуют различные точки зрения. Исследования последних лет показали, что «Заповедь св. отец» имеет не византийские корни, а является компиляцией латинских пенитенциальных сборников (*Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. С. 71 [сн. 21]; Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.).* СПб., 1906. С. 199–201; *Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века.* СПб., 1888. С. 138 [прим. 4]; *Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины.* М., 1912. С. 387–394; *Максимович К. А. Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст.* М., 2008).

⁴⁹ Вопрос об изгойстве в историографии решается по-разному, однако очевидным видится одно — изгойство заключалось в утрате человеком своего прежнего социального статуса или по меньшей мере положения (*Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 119–124; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 186–193; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2004. С. 314–322; Фроянов И. Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 460–469).*

во время рясофора, не предполагающего принесения соответствующих строгих обетов⁵⁰. Рясофорный инок или послушник монастыря, облачённые в монашеские одежды — ещё не монахи. Но в глазах паломников они неотделимы от остальной братии обители. Аналогично и попович еще не обладал духовным саном и одновременно воспринимался в качестве члена клира. В результате, даже после наложения на поповича наказания, своего рода исключения из священнической среды, этот молодой человек продолжал находиться под защитой епископата. Об этом и говорит данное положение Устава⁵¹. Таким образом, «изгойство» поповича не выводило юношу из-под церковной опеки и епископского суда. Оно лишь лишало права на формальную связь со средой священнослужителей. Правда, при этом нерадивый молодой человек не переставал быть сыном священнослужителя и оставался в числе церковных людей⁵². Впрочем, не вполне ясно, как часто эта мера предпринималась в отношении пастырей и их отпрысков. Ничего нельзя сказать о том, насколько необратимым оказывалось это изгойство. Источники умалчивают и о том, допускалось ли исправление и возвращение поповича в его прежнее состояние. Более того, без ответа остаётся вопрос, мог ли, а если мог, то при каких условиях, попович изменить свой социальный статус. Примеры летописного Александра Поповича и былинного Алёши Поповича дают основание полагать, что такие социальные перемены вполне могли иметь место. Однако каким образом происходила эта перемена, источники умалчивают. К тому же, решая вопрос о поповичах, важным видится внести пару важных уточнений.

Под поповичами понимались не только дети священников, но всех клириков в целом, включая диаконов и иных членов клира или клироса. Подобное отношение к детям духовенства сохранялось и на исходе XIX столетия⁵³. Наконец, рассматривая эту социальную группу, приходится принять во внимание то, что если о судьбе поповичей-мужского пола ещё можно высказать какие-либо предположения, то о жизни поповских дочерей источники практически ничего не сообщают.

Таким образом, описанная ситуация вокруг «изгойства» поповича могла возникнуть только в одном случае — клирик был обязан владеть грамотой, а последнее указывало на то, что этот человек в первом поколении вероятнее всего происходил по меньшей мере из семьи свободных, т. е. мужей. На это обстоятельство указывает ещё одно косвенное обстоятельство. Большинство храмов домонгольской Руси — ктиторские, расположены в городах или в княжеских сёлах, вероятно, являвшихся замками. Естественно, что и клир этих церквей формировался по усмотрению патронов и донаторов церквей. В условиях раннефеодального общества (как бы ни относились в научной среде к данному термину) естественно ожидать, чтобы служители этих храмов были представлены людьми, социальное положение которых соответствовало бы запросам князя или знатного мужа. Наиболее наглядно отмеченный принцип прослеживается в поступке князя Изяслава при выборе кандидата на игуменское место в родовом Дмитровском монастыре. Выбор пал на сына боярина Иоанна, игумена Варлаама, первоначально не без конфликта с родными ушедшего в Печерскую обитель⁵⁴, а позже призванного князем на игуменство в новоустроенную обитель⁵⁵.

⁵⁰ Об описанной практике см. подробнее: *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. С. 11-22.

⁵¹ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 157.

⁵² *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 122.

⁵³ *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 27-64.

⁵⁴ Житие Феодосия Печерского. С. 322-331.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 147-148.

При том, что приводимый случай описывает положение дел в монастыре, логично ожидать, что аналогичная ситуация присутствовала и в мирских церквях.

В какой-то мере о социальном происхождении значительной части священнослужителей могут рассказать исповедальные вопросы, рекомендованные собором 1273 г.: «Потомъ подобаетъ испытати ихъ о вещехъ греховныхъ, еда въ блондстве содомьствомъ были боудоуть, ли съ скотиною, ли въ роукою съгрешение, или въ татбе, разве аще не дetskаго, ли преже поятия жены своя растлить девство, ли съ многими легаль боудеть, или от своя жены законьныя блондъ створилъ боудеть, волею или ноужею, или резовникъ, или челядь дрокча голодомъ и наготою, страдоу насилье творя, или дани бегая, или чародеець»⁵⁶. Столь нелюбимый распрос говорит о том, что среди рукополагаемых можно было встретить не только состоятельных лиц, мучивших своих слуг, но и представителей нижних слоёв общества, предпочитавших «наслаждения» иного свойства. Достаточно вспомнить пренебрежительное и надменное отношение епископа Нифонта к ставленникам. Святитель считал для себя возможным встречаться с рукополагаемыми только во время литургии, доверяя общению с подобными кандидатами в священство своим хартофилаксам Кирику, Савве и Илье⁵⁷.

Однако всё это не препятствовало пастырской карьере, если жизнь священника и его служение не вступали в противоречия с соответствующими каноническими требованиями. Наглядный пример возвышения мирского священника — история смоленского епископа Лазаря, долгое время бывшего клириком одного из храмов Смоленска. Его независимое поведение перед местным епископом Игнатием и высказанные в адрес архиерея упреки⁵⁸, а также отсутствие по отношению к нему каких-либо прещений со стороны архиерея указывают на то, что Лазарь не находился под канонической юрисдикцией Игнатия. Со временем, по смерти Игнатия, Лазарь принял смоленскую кафедру⁵⁹. Однако сообщения о Лазаре крайне скудны. Не вполне

⁵⁶ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. Т. 6. Стб. 90-91.

⁵⁷ Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей Вопросания // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2012. № 16(270). С. 83-92; Симонов Р. А. Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилак // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102-107.

⁵⁸ В Житии Авраамия Смоленского упоминаются два священника, поддержавших Авраамия. Это были священник княжеского храма архангела Михаила Лука Прусин и священник Лазарь, место служения которого не упоминается. Первый выступил в пользу Авраамия на суде, а второй поддержал Авраамия уже после того, как преподобный был отправлен в монастырь (Житие Авраамия Смоленского. С. 44-47). При том, что в житии Лазарь является следующим после Игнатия епископом Смоленска, история этой личности лишена какой-либо ясности (Там же. С. 44, 45). Она подтверждается печатью, тем не менее, о ней не сообщает ни одно летописное известие (Янин В. Л. Печать смоленского епископа Лазаря // *Russia Mediaevalis*. 1982. Т. 5. № 1. С. 40-51; Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 3 т.: Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М., 1998. С. 36-37). Что же касается выводов П. Строева и митр. Мануила (Лемешевского), а также справочника «Истории иерархии Русской Православной церкви» о том, что наиболее вероятным временем святительства Лазаря были 1219/20 — 1225 гг., то эти выводы не аргументированы в достаточной мере и не обоснованы. Поэтому они должны рассматриваться не более чем предположение (Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 589; Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892. В 3 т.: Т. 2: Иоанн-Симеон II. М., С. 237; История иерархии Русской Православной церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 455, 457; наиболее адекватно личность смоленского епископа Лазаря представлена в книге: Карпов А. Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М., 2016. С. 250-251).

⁵⁹ Житие Авраамия Смоленского. С. 44, 45.

ясно, был ли этот священник, ставший впоследствии архиереем, женат. Отсутствие смены имени при упоминании Лазаря в качестве епископа также едва ли может рассматриваться в качестве убедительного свидетельства того, что служа в княжеском храме, он уже был монахом. Исследование Б. А. и Ф. Б. Успенских, посвящённое вопросам имянаречения иноков, показывает, что при принятии чернических обетов могло и не происходить смены имени⁶⁰. Нельзя исключать и того, что Лазарь, руководствуясь византийскими церковными обычаями, при принятии епископства мог ограничиться лишь соблюдением celibата. Общепризнанным может считаться лишь одно — своё служение пресвитер Лазарь совершал не в монастыре, а в мирском, скорее всего, княжеском храме. Вероятно, что новгородский епископ Илья также происходил из мирской священнической среды.

Выше уже говорилось, что клирики княжеских храмов должны были обладать качествами, присущими знати или, по меньшей мере, свободному населению. Кроме того, их происхождение предполагало соответствие происхождению тех, в чьих храмах таковые пастыри совершали служение и кого наставляли. Принимая во внимание, что софийские клиросы главных городских храмов Новгорода и Киева, помимо прочего, могли выполнять функции, подобные городскому магистрату или его части⁶¹, ни о каком холопском происхождении пастырей в данной ситуации не могло быть и речи. Хотя описанное, скорее всего, в большей мере касалось княжеских и городских храмов. Доказательством достаточно высокого социального положения части городского духовенства может служить участие новгородских священников в ссудных операциях⁶², результаты раскопа на дворе новгородского иконописца-священника Алексея Гречина⁶³, а также место проживания клириков в Новгороде⁶⁴. Все перечисленные обстоятельства указывают на то, что городское духовенство крупных древнерусских городов по своему положению было близко к состоянию обеспеченных горожан, занимавших среднее место в общественной и материальной иерархии городского населения. Однако не вполне ясно, насколько прежний социальный статус клирика распространялся на членов его семьи.

Впрочем, возвращаясь к уже упоминавшейся грамоте патриарха Германа II, всё же нельзя исключать того, что источники грамотности части священников необходимо

⁶⁰ Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. С. 82-90.

⁶¹ Об этом можно судить по уже упоминавшемуся выше 25 граффити Киевской Софии (Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. С. 60-71; Котышев Д. М. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре. Сб. статей к 70-летию проф. И. Я. Фроянова. М., 2006. С. 164-174; Гайдено П. И. Ещё раз о 25 граффити Софии Киевской: было ли это граффити древнейшим русским актом? И зачем его оставили на стене храма? // Гайдено П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 104-110). Несколько иная ситуация имела место быть в Новгороде. Здесь клирос находился в зависимости от местного архиерея и составлял основу его канцелярии, решая вопросы, касающиеся церковного управления. Правда, объём его обязанностей и место в системе городского самоуправления на разных этапах различался (Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI вв. СПб., 2013. С. 11, 18, 48, 52, 75).

⁶² Об этой стороне деятельности части новгородского духовенства см. подробнее: Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц // РИБ. Стб. 24-25; Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. С. 414; Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси. С. 65-66; Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237-1281 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. С. 141-143.

⁶³ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

⁶⁴ Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии. С. 52.

искать в иных обстоятельствах их судьбы. Необходимые знания могли быть приобретены по воле или прихоти господина, если кандидат на открывавшуюся вакансию был в отношении выдвигавшего его знатного лица зависимым человеком. Именно так описанная в послании ситуация понимается большинством исследователей⁶⁵. Здесь необходимо согласиться с тем, что какими бы высокими мотивами ни были движимы ктиториями церквей, упоминаемая в письме практика противоречила канонам. Каноническое право, действительно, категорически запрещало возведение рабов на высоту пастырского служения⁶⁶. Правда, 17 глава 123 новеллы Юстиниана существенно ослабляла данный запрет, допустив рабам вступать в клир с согласия господина. При этом священник с рукоположением автоматически получал свободу. Если же раб вступал в клир самовольно, а его господин выступал против такого шага, то пресвитер-раб получал свободу по прошествии года⁶⁷. И всё же обстоятельства появления рассматриваемой патриаршей грамоты вызывают недоверие как в отношении заявленных мотивов, «приспевших слухов», так и в отношении содержания приводящихся в документе сведений.

Во-первых, источником сомнения становится то обстоятельство, что инициатором письма обозначен патриарх и что главным поводом к составлению послания стали известия, заставившие константинопольского архиепископа обеспокоиться судьбами русских священников-рабов. Такая архипастырская попечительность патриарха о пресвитерах-варварах способна не только удивлять, но и вызвать недоверие к официальным причинам отправки данного письма⁶⁸. Поэтому логичней и разумней предположить, что данное послание было ответом на вопросы самого митрополита.

Во-вторых, если всё же допустить, что практика поставления рабов на Руси присутствовала, то необходимо выяснить, насколько она была распространена. Ответить на этот вопрос крайне сложно, поскольку ни один древнерусский источник ничего не знает о пастырях-рабах. К тому же описанное в письме рукоположение соискателей священства предполагало колоссальные затраты, которые могли не оправдаться уже потому, что епископ, призванный стоять на страже канонов, был обязан отказать князю в поставлении такого кандидата до тех пор, пока тот не получит свободу. Однако источники не знают подобных конфликтов, если не считать споров, которые возникали между городами, княжеской властью и митрополичьей кафедрой о призвании на кафедру тех или иных епископов⁶⁹. Правда, в подобных ситуациях мотивы споров вокруг кафедр имели, главным образом, политическую и материальную подоплёку⁷⁰. Что же касается совокупных расходов на рукоположение священника, то выкуп смышлённого раба, его обучение, а несколько позже — и поставление,

⁶⁵ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 448; Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроланов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 291-292.

⁶⁶ «Не позволяем в клир производить рабов, без согласия господ, к огорчению владельцев их. Ибо от сего происходит расстройство в домах. Аще же когда раб и достоин явится поставления в степень церковную, каковым явился и наш Онисим, и господие соизволят, и освободят, и их дому отпускают, да будет произведен» (Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. В 2 т. СПб., 1911. Т. 1. С. 167-168 [Ап. 82]).

⁶⁷ Цыпин В., *прот.* 123-я новелла императора Юстиниана в ныне действующем церковном праве // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1(3). С. 122.

⁶⁸ Для Византии Русь, как и иные государства славян и германцев, была страной варваров (Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 19-30, 295-327).

⁶⁹ Примеры подобных споров — конфликты вокруг новгородской кафедры во второй половине XII в., а также суздальской и ростовской кафедры времен Андрея Боголюбского.

⁷⁰ Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси. С. 125-142.

требовали колоссальных затрат⁷¹. Правда, описанная практика поборов за рукоположение описана в источнике, зафиксировавшем положение дел, характерное для второй половины XIII столетия. Поэтому любой разговор о массовом характере подобных рукоположений из числа зависимых и беднейших социальных слоёв, способен вызвать оправданное недоумение. Предлагая однозначное и прямое толкование смысла послания, историки XIX в., кажется, исходили из опыта российского крепостничества XVIII–XIX вв., в условиях которого барин, действительно, мог отправить своего раба учиться искусствам и тратил на это большие средства.

В результате, обращаясь к сообщению источника, необходимо разобраться, о каких рабах идёт речь в послании патриарха Германа II. Древнерусская социальная структура обладала достаточно большой сложностью и время от времени претерпевала внутренние изменения. Вместе с этим, при оценке правового положения некоторых категорий лиц, приходится столкнуться с феноменом, хорошо описанным Т. В. Викул, отметившей, что древнерусская терминология была лишена категориальной ясности, а термины, обозначающие те или иные общественные страты, могли взаимозаменяться⁷². Это в полной мере относится к категории холопов и рабов. Трансформации в изменении правового положения холопов в домонгольский период были хорошо изучены А. А. Зиминим, С. В. Юшковым, М. Б. Свердловым, И. Я. Фрояновым⁷³. Круг зависимых лиц, отождествлявшихся с холопством, не имел однозначного значения и в последующие эпохи, даже в XIV — конце XV в.⁷⁴ Что же касается XI–XIII вв., то в описываемый период, с точки зрения Русской Правды, в круг холопов включались различные категории зависимого населения: рабы, закупы, чадь (домашние

⁷¹ О таких тратах говорят постановления Владимирского собора 1273 г. (Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II. Стб. 83-102). Несомненно, что вводившиеся на соборе нормы во многом были обусловлены новой социально-политической и экономической ситуацией, в какой оказалась церковь после монгольского господства (Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237-1281 гг. С. 125-146). Узаконивавшиеся на соборе нормы сборов в пользу кафедр отражали потребности епископата, лишённого прежних доходов от княжеской десятины. Однако нельзя отрицать и того, что, скорее всего, оговаривавшиеся во Владимире поборы с церквей и священнослужителей уже существовали ранее. Финансовые и материальные злоупотребления древнерусских святителей домонгольского многократно отмечались в древнерусских источниках. В этом отношении примечательна запись о преставлении ростовского епископа Пахомия (†1216), по времени отстоящая от грамоты патриарха Германа всего лишь на 12 лет (ПСРЛ. Т. 1. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 439). В летописной записи, автор панегирика особенно отметил добродетели архипастыря: ангелоподобность, милосердие, расточительность в отношении бедных, выгодно отличавшие того от его собратьев, жадных, жестоких и подобных диаволу, «волкам» [Мф. 7: 15; 10: 16; Ин. 10: 12] (Гайденко П. И. Священная иерархия Древней Руси. С. 20). Анализируя и сравнивая величину сбора за поставление священника с долгом одного из городов, Т. Р. Галимов вполне убедительно показал крайнюю дороговизну рукоположения (Галимов Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях. С. 51-52). Возможно, это было одной из многих причин крайне невысокой плотности храмовой застройки за пределами городских стен (См. на примере смоленской земли: Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 236-245).

⁷² Викул Т. Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009. С. 20-21.

⁷³ Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV века). М., 1973. С. 9-269; Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. С. 255-278; Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. С. 60-86; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. С. 149-170; Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб., 1996. С. 74-155; Фроянов И. Я. Начала русской истории. С. 425-436.

⁷⁴ Зимин А. А. Холопы на Руси. С. 270-367.

слуги). Особую категорию составляли «обельные холопы». Однако помимо юридическо-правовой оценки, холопство должно быть оценено и с иных позиций.

Именованье человека *холопом* далеко не всегда означало, что приходится иметь дело с рабом или зависимым слугой. Примером этого может служить мечта Даниила Заточника поступить на службу к князю, стать княжеским холопом. И. Н. Данилевский очень точно подметил, что говоря о своём служении князю, Даниил Заточник с презрением отзывался о службе боярину и в следующих словах высказался о перспективе стать боярским слугой: «не холоп в холопах, кто у холопа работает»⁷⁵. Крайне примечательно, что Даниил Заточник, несомненно, принадлежавший к числу мужей и зарождающегося дворянства, называл себя и бояр холопами, не видя в статусе княжеского холопа ничего унижительного (по крайней мере для себя). Не менее интересен отказ князя Олега Святославича явиться на суд, который хотел устроить над ним Владимир Всеволодович: «не лепо судити еп(и)с(ко)помъ и черньцемъ или смердомъ»⁷⁶. В эмоциональном и надменном ответе князя положение игуменов и епископов подобно положению смердов. Безусловно, это преувеличение. Источники позволяют заключить, что русский епископат, игумены и монашество были представлены выходцами из свободного населения. И всё же в словах Даниила и князя Олега присутствует и правда.

Личная свобода и «знатное» происхождение не исключали того, что при поступлении на службу человек становился своего рода «холопом», членом княжеского или боярского окружения, частью их семьи. Показательно, что в условиях XIV в. великие князья именовались по отношению к монгольским ханам «хлопами», аналогично в XV–XVII вв. при обращении к великому князю поступали бояре и дворяне. Не менее примечательно, что в одном из посланий Саадет-Гирея (1523) король Польши также именуется по отношению к хану холопом⁷⁷.

Таким образом, холопами могли именоваться не только «обельные холопы», но и правители государств, не говоря уже о свободных лицах, являвшихся княжескими и боярскими слугами. Зависимое положение последних можно сравнить с положением слуг римской «*Familia*». Подобная оценка статуса этих людей хорошо выявляется на раннем этапе развития древнерусского общества с его институтами патронажа. В данных условиях они именуются их «чадью», т. е. детьми. В дальнейшем категория «детских» также будет присутствовать в правовой лексике того времени, соответствуя архаическим представлениям о круге лиц, включавшихся в состав семьи. Таким образом, т. н. «рабы», о которых писал патриарх, не могут рассматриваться в качестве несвободного и крайне угнетаемого бесправного слоя. Это люди из княжеского и боярского окружения — представители будущего дворянства. А значит, очевидно, что послание патриарха, не понимавшего и искажавшего реалии древнерусской действительности, преследовало своей целью не защиту прав священства, а нечто иное. Скорее всего, данное послание объясняется попытками митрополита преодолеть права княжеской церковной юрисдикции на киторские храмы и монастыри, у престолов которых совершали служение люди князя, его «холопы», «рабы», члены больших семей феодалов. Впрочем, высказанное предположение нуждается в специальном обосновании, которое выходит за рамки представленного очерка.

⁷⁵ К сожалению, читателям и исследователям более знакомо Слово Даниила Заточника, формулировки которого более сдержаны (ср.: Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю, Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1. С. 154-16; Данилевский И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника // В своем кругу: Индивид и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. М., 2003. С. 97-110).

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 220.

⁷⁷ Горский А. А. Король — холоп мой // Родина. 2004. № 12. С. 14-16.

Ещё одним социальным слоем, из которого могли происходить городские священники, было купечество и близкая к нему среда ростовщиков. На это указывает один из вопросов Кирика, обеспокоенного тем, что некоторые новгородские священники занимаются ростовщическими операциями⁷⁸. В условиях строгой регламентации городских промыслов и занятий присутствие в кругу священников ростовщиков могло объясняться лишь одной причиной — происхождением из данного социального слоя⁷⁹. Это происхождение в значительной мере и не позволяло епископу Нифонту проявить святительскую строгость в отношении нарушителей церковных правил, запрещавших пастырям подобную деятельность⁸⁰.

Наиболее трудная задача — определить социальный круг, из которого выходили сельские пастыри. Вероятнее всего, подобно своим городским собратьям они рекрутировались из круга княжеских слуг. Однако быт и нравы сельских пастырей, описанные в Вопрошании, указывают на невысокий социальный статус большинства из них. Судя по всему, их доходы и обеспечение оказывалось скудным, а положение — крайне зависимым в том числе от даяний со стороны общины. Скорее всего, именно с этой категорией пастырей связаны обличения в адрес «рабочих попов»⁸¹. Тем не менее, причины материальной бедности священников, совершавших своё служение в сельской местности, видятся более сложными и заслуживающими внимания.

Всё перечисленное позволяет говорить о том, что духовенство домонгольской Руси в своём большинстве хоть и не может быть отнесено к числу наиболее обеспеченных слоёв древнерусского общества, однако в своём большинстве происходило из свободного населения или той части, которая получала свободу. Основу священников, совершавших служение в ктиторских храмах, составляли либо лица из княжеского окружения, либо выходцы из окружения купечества. Однако высказанные суждения должны быть отнесены к числу предварительных наблюдений. Судя по всему, аналогичным образом ситуация развивалась и вокруг служения диаконов.

Источники и литература

1. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980.
2. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь. М.: Академический проект, 2009.
3. *Баловнев Д. А.* Приходское духовенство в Древней Руси. X–XV вв. // Православная энциклопедия. Т. РПЦ. М., 2000. С. 252–258.
4. Византийский словарь. В 2 т.: Т. 2: М-Я. СПб.: Амфора; РХГА; Изд-во Олега Абышко, 2011.
5. *Викул Т. Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М.: Квадрига, 2009.
6. *Водарский Я. Е., Истомина Э. Г.* Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI — начала XX в.). Тула: Гриф и К, 2009.

⁷⁸ Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта Стб. 24–25 [Кирик 4].

⁷⁹ *Галимов Т. Р.* Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополичьей кафедры и русской церкви во второй половине XIII — начале XIV вв. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. СПб., 2016. С. 443–444.

⁸⁰ Правила Православной церкви. Т. 1. С. 113–114, 229–230 [Ап. 44; I Всел. 17]; Т. 2. С. 395 [Васил. вел. 14]; *Гайдено П. И.* Священная иерархия Древней Руси. С. 26.

⁸¹ *Лушников А. А.* «Попове и книжници». С. 18–28.

7. Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 21-62.

8. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Вып. 1: XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966.

9. *Гайденко П. И.* Ещё раз о 25 граффити Софии Киевской: было ли это граффити древнейшим русским актом? И зачем его оставили на стене храма? // *Гайденко П. И., Москалёва Л. А., Фомина Т. Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М.: Университетская книга, 2013. С. 104-110.

10. *Гайденко П. И.* К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (начало) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 158-176.

11. *Гайденко П. И.* Священная иерархия Древней Руси: (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014.

12. *Гайденко П. И.* О практической значимости Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси. Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1: Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. Казань; Набережные Челны: Тоис, 2008. С. 112-119.

13. *Гайденко П. И., Фомина Т. Ю.* О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей Вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2012. № 16(270). С. 83-92.

14. *Галимов Т. Р.* Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополичьей кафедры и русской церкви во второй половине XIII — начале XIV вв. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 6. СПб., 2016. С. 428-452.

15. *Галимов Т. Р.* Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1237-1281 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2017.

16. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2013.

17. *Георгиевский Э. В.* Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М.: «Юрлитинформ», 2014.

18. *Глубоковский Н. Н.* За тридцать лет (1884-1914 гг.) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2-3. С. 205-218.

19. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в её историческом развитии и новейшем состоянии. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 2002.

20. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. М., 1901.

21. *Горский А. А.* Король — холоп мой // Родина. 2004. № 12. С. 14-16.

22. Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I о непоставлении рабов в священный сан и неприкосновенности имущества и судов церковных // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Ч. 1. Стб. 79-84.

23. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Изд-во «АСТ», 2004.

24. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.): М.: Аспект Пресс, 2001.

25. *Данилевский И. Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // В своем кругу: Индивиду и группа на Западе и Востоке Европы до начала нового времени. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 97-110.

26. *Дорская А. А.* Общая характеристика памятника церковного права Древней Руси и источники их формирования // Памятники российского права. В 35 т.: Т. 1: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: «Юрлитинформ», 2013. С. 422-452.

27. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я. Н. Шапов. М.: Наука, 1976.
28. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Авт. кол. М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон и др.; под ред. Е. А. Мельниковой. М.: «Логос», 2003.
29. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т.: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. С. 30-65.
30. Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392.
31. Зимин А. А. Правда Русская. М.: Изд-во «Древлехранилище», 1999.
32. Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времён до конца XV века). М.: Наука, 1973.
33. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.
34. Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003.
35. История иерархии Русской Православной церкви. Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. (с приложениями). М.: Изд-во ПСТГУ, 2006.
36. Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). М.: Изд. центр «Академия», 2002.
37. Калайдович К. Ф. Иоанн, экзарх Болгарский: Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и XI столетий. М., 1824.
38. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники канонического права: Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1880. Стб. 1-20.
39. Карпов А. В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб.: Алетея, 2008.
40. Карпов А. Ю. Русская Церковь X–XIII вв. Биографический словарь. М.: Квадрига, 2016.
41. Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги) / отв. ред. Д. М. Буланин; сост. Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014.
42. Киево-Печерский Патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 2004. С. 296-489, 641-667.
43. Ключевский В. О. Русская история. В 5 т. / сост. А. М. Кузнецова. М.: Рипол Классик, 2001. Т. 1.
44. Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981.
45. Котышев Д. М. О поземельных сделках в Древней Руси (к изучению надписи № 25 из киевской Софии) // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / отв. ред. Ю. Г. Алексеев, А. Я. Дегтярев, В. В. Пузанов. М.: Изд. дом «Парад», 2006. С. 164-174.
46. Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988.
47. Левшун Л. В. История восточнославянского слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2011.
48. Лушников А. А. «Попове и книжници». Образ священника в антиязыческой литературе Древней Руси XI–XIII вв. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 18-28.
49. Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л.: Изд-во ЛГУ, 1945.
50. Максимович К. А. Заповеди святых отец: Латинский пенитенциал VIII в. в церковно-славянском переводе: Исследование и текст. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

51. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892. В 3 т.: Т. 2: Иоанн-Симеон П. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003.
52. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / пер. с англ. А. Ю. Полунов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
53. Милов Л. В. Исследования по истории памятников средневекового права: Сб. статей / под ред. Б. Н. Флори и А. А. Горского. М.: РОССПЭН, 2009.
54. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VII. М.: Изд-во «Кругъ», 2011.
55. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н. В. Сеницына. М.: Наука, 2002.
56. Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X-XVI вв. СПб.: ИИМК РАН, 2013.
57. Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
58. Назаренко А. В. Авраамий Смоленский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 178-179.
59. Неведомы(х) словесъ изложено Георгиемъ митрополито(м) Киевскимъ Герману игомену въпрашающу оному поведающу // Славяне и их соседи. Славянский мир между Римом и Константинополем. М.: Индрик, 2004. Вып. 11. С. 233-255.
60. Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.). СПб., 1906.
61. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 83-102.
62. Оспенников Ю. В. Княжеские церковные уставы // Памятники российского права. В 35 т.: Т. 1: Памятники права Древней Руси / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 453-488.
63. Оспенников Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. М.: Юрлитинформ, 2011.
64. Память и похвала Иакова мниха князю Владимиру Святославичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост. автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 282-288.
65. Панова В. И. Ипатьевская летопись как источник для изучения православного духовенства Руси в XII веке: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2016.
66. Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888.
67. Печников М. В. Дело Авраамия Смоленского: за что был гоним праведник? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. М.: «Восточная литература» РАН, 2003. С. 346-359.
68. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001.
69. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001.
70. Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000.
71. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского. В 2 т. СПб., 1911. Т. 1; Т. 2.
72. Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: Наука, 2003.
73. Рубаник В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси: историко-юридический очерк. М.: Юрлитинформ, 2013.

74. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: София, Гелиос, 2002.
75. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л.: Наука, 1983.
76. Симонов Р. А. Кирик Новгородец (1110 — после 1156/1158) как хартофилакс // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2015. № 4. С. 102-107.
77. Синицына Н. В. Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Т. РПЦ, М., 2000. С. 305-324.
78. Слово некоего Христолюбца и ревнителя по правой вере // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 238-242.
79. Слово Даниила Заточника, которое он написал своему князю, Ярославу Владимировичу // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 154-161.
80. Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 174-190.
81. «Слово святого Григория» об идолах // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3-х т. Т. 1: Домонгольский период / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 242-244.
82. Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1913.
83. Смирнов С. И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912.
84. Солнцев Н. И. Концепт «Нового Иерусалима» в строительной инициативе Андрея Боголюбского // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 4 (1). С. 275-281.
85. Солнцев Н. И. «История русской церкви» Е. Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2010.
86. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.
87. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в Русской Церкви. XVI–XVII вв. // Православная энциклопедия. Т. РПЦ, М., 2000. С. 259-266.
88. Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
89. Суворов Н. С. Учебник церковного права. М.: Изд-во «Зерцало», 2004.
90. Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4: Западно-европейские источники / сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 63-83.
91. Ужанков А. Н. «Слово о Законе и Благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского. М.: НИЦ «Академика», 2014.
92. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
93. Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерлах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я. Н. Щапов. М.: Наука, 1976. С. 153-158.
94. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991.
95. Флоря Б. Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб.: Алетейя, 2017.

Место мирского духовенства в числе церковных людей Древней Руси

96. *Фроянов И. Я.* Начала русской истории. Избранное. М.: Изд. дом «Парад», 2001.
97. *Фроянов И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян (VI–X вв.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
98. *Цыпин В. А.* 123-я новелла императора Юстиниана в ныне действующем церковном праве // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. № 1(3). С. 120-124.
99. *Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М.: Наука, 1972.
100. *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л.: АН СССР, 1939.
101. *Янин В. Л.* Печать смоленского епископа Лазаря // *Russia Mediaevalis*. 1982. Т. 5. № 1. С. 40-51.
102. *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 3 т.: Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970-1996 гг. М.: Интрада, 1998.